

DOI: 10.15643/libartrus-2025.4.1

**К юбилею С. Есенина. Певец любви: экзистенциально-антропологические медитации. Часть II.
Любовь моя – милая женщина**

© В. В. Ильин

*Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана
(Национальный исследовательский университет)
Россия, 105005 г. Москва, 2-я Бауманская улица, 5, с. 1.*

*Государственный университет просвещения
Россия, 141014 г. Мытищи, улица Веры Волошиной, 24.*

Email: vvilin@yandex.ru

Пафос взрывных первых лет революции у кого-то уступал место повседневной преобразовательной работе социалистического устройства. Только не у Есенина, перенесшего энергию гражданского созидания на экзистенциальное искание – себя. Не в общественной, но персональной реальности. В границах самообретения посредством осмысления-переосмысления вечного жизненного вопроса: вопроса светлой, вдохновенной, всепокоряющей любви.

Ключевые слова: человек, поэт, жизнь, любовь, вечность.

Утрачивая старую (избяную), не обретая новую «железную» (из письма Е. И. Лившиц 11 августа 1920 г.: «Ехали мы от Тихорецкой на Пятигорск, вдруг слышим крики, выглядываем в окно, и что же? ...за паровозом что есть силы скачет маленький жеребенок. Так скачет, что нам сразу стало ясно, что он почему-то вздумал обогнать его... Эпизод для кого-нибудь незначительный, а для меня он говорит очень много. Конь стальной победил коня живого. И этот маленький жеребенок был для меня наглядным дорогим вымирающим (! – В. И.) образом деревни... Она в революции нашей страшно походит на этого жеребенка, тягательством живой силы с железной» [3, с. 820–821] (Сюжет, развитый в «Сорокоусте»)), – нестаросветскую родину, – Есенин оказывается в межеумочном положении человека-изгоя в ключевых жизненно-значимых отношениях:

– персональном:

Я человек не новый!
Что скрывать?
Остался в прошлом (! – В. И.) я одной ногою,
Стремясь догнать стальную рать,
Скольжу и падаю другою.

– общественном:

Россия-мать!
Прости меня,
Прости!
Но эту дикость, подлую и злую,
Я на своем недлительном пути

Не приголублю
И не поцелую.

– политическом:

Советскую я власть виню,
И потому я на нее в обиде,
Что юность светлую мою
В борьбе других я не увидел.

– экзистенциальном: «Намордник я не позволю надеть на себя и под дудочку петь не буду» [5, с. 68].

Итог – хуже некуда! На родимой стороне все – не то, все – не так:

Тут разрыдаться может и корова,
Глядя на этот бедный уголок.

И сам лицедей – потомственный гражданин села «как пилигрим угрюмый» никому боле не знаком, в собственных пенатах не нужен. Печален вывод:

Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далеких лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

Непоправимая грандиозная жизненная беда поэта в том, что «песни новые» он пел по-старому – как «учили бабушки и деды», – не скучные строки «Капитала» с Солнцем-вождем, энергией которого «хладную планету» «не растопить» никак.

Невзирая на понимание необходимости обновления, коренной перестройки традиционной крестьянской жизни:

Равнодушен я стал к лачугам,
И очажный огонь мне не мил,
Даже яблонь весеннюю вьюгу
Я за бедность полей разлюбил.
Мне теперь по душе иное.
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.
Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.
Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальнойю
Видеть бедную, нищую Русь.

Есенин остался поэтом

Золотой бревенчатой избы.

По данной причине – не мог стать

...настоящим,

А не сводным сыном –

В великих штатах СССР.

Безотраднo ощущение:

– раскола в стране:

...грусть в кипении веселом!

– скандала в душе:

...

Одержимый тяжелой падучей,

Я душой стал, как желтый скелет;

...

Я усталым таким еще не был;

...

Где ты радость? Темь и жуть, грустно и обидно.

В поле, что ли? В кабаке? Ничего не видно.

...

В голове болотный бродит омут,

И на сердце изморозь и мгла.

Не находя общего языка с «людьми новыми» (едва не по Чернышевскому), властью, сгибающей в хрипе судьбу крестьян, поэт, озабочиваясь, «куда несет нас рок событий»? – оказывался в развилочном состоянии: безотчетной зоны страдания, откуда только два выхода. Один – «катиться дальше вниз», другой – искать счастья.

Первый, – полноценно опробованный ранее, – отвергнут. Оставался второй – идти к неведомым пределам взаимности, «душой бунтующей навеки присмирив».

При всей данной смете, однако, возникал непосторонний вопрос: взаимности – с кем?

С родиной – уже не получалось:

Не вернусь я в отчий дом,

Вечно странствующий странник.

Об ушедшем над прудом

Пусть тоскует конопляник.

С родительницей? Тяжело признание сына близкой ему М. Бальзамовой (июльское письмо 1912 г.): «Мать нравственно для меня умерла уже давно...» [3, с. 752].

Но если не с родиной и не родительницей, – тогда – с любимой.

Первые два кратковременных брака (1917–1918 – с З. Райх; 1921–1923 – с А. Дункан) счастья не принесли. Испытывающий соединенную с грустью, переходящую в уныние душевную тоску в 1923 г. поэт сближается с актрисой Камерного театра А. Миклашевской, которой посвящает 7 бесценных стихов из цикла «Любовь Хулигана». Видно, как выбивается из недр расстроенной души сильной струей стремительный источник горячего, неподдельного чувства:

– разгоняющего недавнюю скуку в отсутствии любви к деревне, городу... вездесущей гармонике;

– противостоящего всеохватному томлению с желанием бросить все и бродягой пойти по Руси.

Наилучшее средство от ностальгии, –

Чтоб под шум молодой лебеды

Утонуть навсегда в неизвестность

И мечтать по-мальчишески – в дым, –

любовь. Ее и искал Есенин, подвергая себя публичной исповеди, надеясь растопить лед сердца избранницы:

– признаваясь:

В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить;
По смешному я сердцем влип...

– уповая:

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз злато-карий омут.

...

Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.

– заверяя:

Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали...

– надеясь:

...ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.

– умоляя:

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.

Есенин искал, искал, искал – большой любви и не находил: увлеченная другим, Миклашевская взаимностью не отвечала:

Чужие губы разнесли
(ее) тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души, немного омертвелой.

Не выстроив ни романтических, ни человеческих отношений с горячо любимой, оставалось – позабыть те мрачные силы, что терзали, его губя, перенеся в светлую память «облик ласковый, облик милый».

«Лишь одну не забуду тебя», – дал сам себе зарок Есенин; своему клятвенному обещанию остался он верен всю свою недолгую жизнь.

После неизбежного разрыва с Миклашевской что-то надломилось, сломалось в поэте; непроглядная темь обреченности накрыла его существо. Не искалась, не находилась, не возвращалась любовь – ни к кому, ни к чему:

– ни родимым местам:

Я с грустью озираюсь на окрестность:
Какая незнакомая мне местность!
И знакомые взору просторы
Уж не так под луной хороши.

– ни отчужденному дому:

...там, где был когда-то отчий дом,
Теперь лежит зола да слой дорожной пыли.
Здесь жизнь сестер,

Сестер, а не моя...

– ни односельчанам:

Я никому здесь не знаком,
А те, что помнили, давно забыли.
...некому мне шляпой поклониться,
Ни в чьих глазах не нахожу приют.

– ни согражданам:

Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец.

– ни матери:

Я нежно чувствую
Твою любовь и память.
Но только ты
Ни капли не поймешь –
Чем я живу
И чем я в мире занят.

– ни подруге:

Подруга охладевших лет,
Не называй игру любовью,
Пусть лучше этот лунный свет
Ко мне струится к изголовью.
Любить лишь можно только раз.
Вот оттого ты мне чужая,
Что липы тщетно манят нас,
В сугробы ночи погружая.

– ни счастливому жребию:

Ах, луна влезает через раму,
Свет такой, хоть выколи глаза...
Ставил я на пиковую даму,
А сыграл бубнового туза.

– ни себе:

Не знаю, болен я
Или не болен,
Но только мысли
Бродят невпопад.
В ушах могильный
Стук лопат
С рыданьем дальних
Колоколен.

...

Никогда с собой я не полажу,
Себе, любимому,
Чужой я человек.

...

Снежная равнина, белая луна,
 Саваном покрыта наша сторона.
 И березы в белом плачут по лесам.
 Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?

...

Что случилось? Что со мною случилось?
 Каждый день я у других колен.
 Каждый день к себе теряю жалость,
 Не смиряясь с горечью измен.

– ни любимой:

А теперь я милой ничего не значу
 Под чужую песню и смеюсь и плачу.

...

Вижу сон. Дорога черная.
 Белый конь. Стопа упорная.
 И на этом на коне
 Едет милая ко мне.
 Едет, едет милая,
 Только не любимая.

– ни любви:

В первый раз я от месяца греюсь,
 В первый раз от прохлады согрет (оксюмороны – В. И.),
 И опять и живу и надеюсь
 На любовь, которой уж нет.

Нет любви – нет надежды; нет надежды – нет жизни. Обретение одного, другого, третьего обещал окрыляющий союз с С. Толстой, официально заключенный 18 сентября 1925 г. (за три месяца до трагической развязки). Однако и он оказался непрочным.

Спустя столетие, не тревожа ни доброй памяти, ни почтенного выбора достойных людей, в духе реализуемых медитаций остановим внимание лишь на следующем.

1. Испытывая глубокий внутренний кризис, отдавая отчет, что все равно не будет то, что могло быть прежде:

Холодят мне душу эти выси,
 Нет тепла от звездного огня.
 Те, кого любил я, отреклись,
 Кем я жил – забыли про меня, –

ища сердечного расположения, взаимной симпатии:

Что желать под житейскою ношею,
 Проклиная удел свой и дом?
 Я хотел бы теперь хорошую
 Видеть девушку под окном.

...

Чтоб с глазами она васильковыми
 Только мне –
 Не кому-нибудь –

И словами и чувствами новыми
Успокоила сердце и грудь, –

Есенин доверился случаю. Случай не преминул представиться, войдя в памятное: «Ушел я от Гали (Бениславской), а идти некуда. Грустно было, а мне навстречу также грустно шарманка запела. А шарманку цыганка вертит. И попугай на шарманке. Подошел я, погадал, а попугай мне кольцо вытащил. Я и подумал: раз кольцо вытащил, значит жениться надо. И пошел я, отдал кольцо и женился» [4, с. 14].

2. Случай, как известно, – мощное, могучее орудие провидения. Только является ли орудием такого орудия выбор глупой тропической пестрой птицы?

Сам участник событий оценивал случившееся как травестийный курьез:

Коль гореть, так уж гореть сгорая,
И не даром в липовую цветъ
Вынул я кольцо у попугая –
Знак того, что вместе нам сгореть.

...

Ну, и что ж! Пройдет и эта рана.
Только горько видеть жизни край.
В первый раз такого хулигана
Обманул проклятый попугай.

3. Итак, в июле: цыганка, шарманка, попугай – обретенное в ворожбе и переданное невесте кольцо; в сентябре – женитьба. А в августе:

– вызывающая недоумение реминисценция:

Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос.
Не радостно и не легко мне
Покинуть тебя привелось.
Я помню осенние ночи,
Березовый шорох теней,
Пусть дни тогда были короче,
Луна нам светила длинней.
Я помню, ты мне говорила:
«Пройдут голубые года,
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда».
Сегодня цветущая липа
Напомнила чувствам опять,
Как нежно тогда я сыпал
Цветы на кудрявую прядь.
И сердце, остыть не готовясь
И грустно другую любя,
Как будто любимую повесть
С другой вспоминает тебя.

– озадачивающее сомнение:

Милая, ты ли? та ли?

Эти уста не устали.
Эти уста, как в струях,
Жизнь утолят в поцелуях.
Милая, ты ли? та ли?
Розы ль мне то нашептали?
Сам я не знаю, что будет.
Близко, а, может, гдей-то
Плачет веселая флейта.
В тихом вечернем гуде
Чту я за лилии груди.
Плачет веселая флейта,
Сам я не знаю, что будет.

Или:

И сердце, остыть не готовясь
И грустно другую любя,
Как будто любимую повесть
С другой вспоминает тебя.

Накануне женитьбы такое и так – не пишут!

А после? Практически в медовый месяц пишут ли:

Голубая кофта. Синие глаза.
Никакой я правды милой не сказал.
Милая спросила: «Крутит ли метель?
Затопить бы печку, постелить постель».
Я ответил милой: «Нынче с высоты
Кто-то осыпает белые цветы.
Затопи ты печку, постели постель,
У меня на сердце без тебя метель».

Или:

Не криви улыбку, руки беребя,
Я люблю другую, только не тебя.
Ты сама ведь знаешь, знаешь хорошо –
Не тебя я вижу, не к тебе пришел.
Проходил я мимо, сердцу все равно –
Просто захотелось заглянуть в окно.

А дальше – пуще:

Пусть сердцу вечно снится май
И та, что навсегда люблю я.

Тем более:

Не тебя я люблю, дорогая,
Ты лишь отзвук, лишь только тень.
Мне в лице твоём снится другая,
У которой глаза – голубень.

Или:

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,

Синь очей утративший во мгле,
Эту жизнь прожил я словно кстати,
Заодно с другими на земле.

Есенин – певец «небывалой печали». Дерево роняет листья, поэт – грустные, на собственное увядание, слова.

Не несла отдохновения разлаженной душе третья женитьба; после Миклашевской Есенин не любил, не мог никого любить.

4. Возвращаться туда, где был счастлив, нельзя; с тем, где был счастлив, можно прощаться, как с отговорившей милым языком золотой рощей. В ситуации полного человеческого отчаяния началось короткое прощание поэта с дорогим прошлым. Со всем и со всеми. Таковы:

- наполненные трогательным лиризмом «Несказанное, синее, нежное...»; «Синий май»; «Спит ковыль»; «Каждый труд благослови, удача!»; «Я иду долиной»; «Жизнь – обман с чарующей тоскою»; «Гори звезда моя, не падай»;
- четыре стихотворения младшей сестре Шуре.

Произведения – о прежней любви, отраде, печали прошедших дней, – о том, чего не вернуть, но из чего состоим все мы – нашего внутреннего всего, – наследства и наследия.

Есенин нещадно тратил, но не растрчивал душу. Не найдя себя в любви к родине, матери, женщине, он нашел себя в поисках любви. К благодатной полноводной жизни, дарующей любовь, какую,

...обреченный на гоненья,

и воспевал весь свой недолгий век.

Потому пребывал в самоощущении счастья:

...я счастлив.
В сонме бурь
Неповторимые я вынес впечатленья.
Вихрь нарядил мою судьбу
В золототканое цветенье.

Поражаешься, как молодой человек 16–17 лет («Моя жизнь») и несколько старше («Мои мечты») предусмотрительно (едва не тавматургически) высказывал о себе грядущем:

Даль туманная радость и счастье сулит,
А дойду – только слышатся вздохи да слезы,
Вдруг наступит гроза, сильный гром загремит
И разрушит волшебные, сладкие грезы.
Догадался и понял я жизни обман,
Не ропщу на свою незавидную долю.
Не страдает душа от тоски и от ран,
Не поможет никто ни страданьям, ни горю.

Есенин помог себе сам:

Мои мечты стремятся вдаль,
Где слышны вопли и рыданья,
Чужую разделить печаль
И муки тяжкого страданья.
Я там могу найти себе
Отраду в жизни, упоенье,

И там, наперекор судьбе,
Искать я буду вдохновенья.

Драма метаний метущейся души находила и нашла вдохновенье в естественной «простой» думе:

Как прекрасна
Земля
И на ней человек.

«Что делать... художнику? – вопрошал Блок... – ему надлежит хранить огонь знания о величии эпохи» [2, с. 296]; «не дело художника – смотреть за тем, как используется задуманное»; его дело – «видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит разорванный ветром воздух» [1, с. 342].

Величие открываемой временем жизни Есенина «не промежуточной эпохи, а новой эры» [2, с. 12], заключалось в прекрасном стремлении освободить человека. Колоссальной социально-экзистенциальной силы вопрос, почему – не получилось, почему превозможение «затхлого воздуха свободы» обернулось ужасным узилищем «вольного холода тюрьмы»? представлял нерв сознания русского народа «страшных лет России» (Г. Иванов).

Не оставался в стороне от его разрешения Есенин, в результате мучительных исканий выработавший для себя пагубную «философию дискомфорта» (Бродский): на поприще социальном – не нужен; на поприще экзистенциальном – невозможен. (Такова же, кстати, более поздняя и столь же удручающая жизнеразрешительная линия Цветаевой).

Пессимизм – не жизненная философия; философия не может быть пессимистичной. По той простой причине, что она – изнеможительна, не духоподъемна.

Всю несносность раздолжителности философии нежизнеспособного пессимизма по-человечески прочувствовал Есенин (как позже Цветаева), печальной усмешкой своего alter ego подытоживавший:

В грозы, в бури,
В житейскую стынь,
При тяжелых утратах
И когда тебе грустно,
Казаться улыбчивым и простым –
Самое высшее в мире искусство.

Здесь, доподлинно, никак не уклониться от уяснения: искусство – чье? – лицедея в маске? Но подобный персонаж в несценической функции напрочь отменяет, искажает человека; пробиться к человеческому в человеке через бутафорию невозможно. В таком разе: в чем «самое высшее в мире искусство»? – в имитации? симуляции? драпирующем самообмане?

Есенинская метафорическая актуализация приглашает к передумыванию классической философской дилеммы «быть-казаться», где первое значит – «заявлять естество», второе – «притворствоваться».

Коверкает человеческое начало лирического героя – скрытое подспудье автора: запятанный в недрах его «черный человек», который, «нагоняя на душу тоску и страх», в простом – из крестьянской семьи, некогда желтоволосом, голубоглазом – мальчишке обнажает темное недостойное дно «похабника и скандалиста», «забулдыги и прохвоста».

Имитационный контакт с непривлекательным идом тем не менее повлек дистанцирование от замыкания в насквозь ущербном «казаться». По сути данный экзистенциальный модус

как провал в нереальное, иллюзорное, грезовое суть самоискажающе-самоистязающее занятие самопроизвольной самоутратой.

Вследствие неразделенного пылкого чувства, испытывая крайнее душевное беспокойство, пускаясь в саморастрачивающие метания, прячась за ширмой наносного-несносного, как тонко разумеющий жизненные треволнения поэт и человек Есенин ясно представлял бесперспективность скитания в «казаться», что оттеняет:

– концептуально – некое прозрение не вошедшей в окончательную редакцию «Черного человека» известной строфы:

Друг мой, друг мой.
Я знаю, что это бред.
Боль пройдет,
Бред погаснет, забудется.
Но лишь только от месяца
Брызнет серебряный свет,
Мне другое (! – В. И.) синеет,
Другое в тумане мне чудится.

– выразительно – переполняющие итоговые стихи эпитетные фигуры погодного ненастья, – метельные, вьюжные образы, ввергающие в сметенье, несущие идею осложнения, а то и краха судеб мира (что такое снежная буря, каково ее участие в извивах событий, известно по пушкинской, толстовской «Метели»).

«...надо учиться чтить и любить замечательного человека со всеми его слабостями и порой даже за самые эти слабости», – точно высказывает Ходасевич, продолжая, – «такой человек не нуждается в прикрасах. Он от нас требует гораздо более трудного: полноты понимания» [6, с. 296].

Всестороннего почитания, всемерной любви, полноты понимания требует замечательный человек-художник Есенин, исходивший немало дорог, наделавший много ошибок. Но ведь кто-то, оберегая нас, должен был трудные дороги пройти, досадные ошибки сделать.

Наше неизменное признание непреходящих есенинских заслуг – в отдаии должного преподанному им нам панамитологическому уроку корневой судьбической благодарности:

Но и все ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и любимой,
Эту жизнь за все благодарю.

Благодарности проживаемой каждым из нас – хорошей и очень хорошей жизни.

Торжественную благодарную песню светлой есенинской жизни, подхватывая, увековечивает вездесущая история: на том же Тверском бульваре, где,

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,

неторопливо прогуливался новокрестьянский поэт, – неподалеку от когда-то стоявшего там памятника Александру Сергеевичу установлен памятник Сергею Александровичу. Установлен аккуратно напротив здания бывшего Камерного театра, где служила не принявшая его А. Миклашевская.

Воистину, – неисповедимы пути Божьи, как неисповедимы пути-перепутья изменчиво-неизменной Истории. Истории:

- человеческого лица, утверждающей всепобеждающую силу любви, которая не уходит и не проходит, а, разливаясь – через нас во Вселенную, обретает природно-космическую определенность;
  - человеческой культуры, утверждающей всепобеждающую силу символического наследия, которая, обеспечивая связь времени, единство опыта, обретает гуманитарно-космическую определенность, –
- в лоне которых «степное пенье» каждого из нас способно «бронзой прозвенеть».

Литература

1. Блок А. *Собрание сочинений в 8 тт.* М.: Гослитиздат, **1962**. Т. 6. 556 с.
2. Блок А. *Сочинения в 2 тт.* М.: Гослитиздат, **1955**. Т. 2. 847 с.
3. Есенин С. *Собрание сочинений в одной книге.* Харьков: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», **2012**. 960 с.
4. *Как жил Есенин: мемуарная проза.* Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, **1992**. 379 с.
5. *С. А. Есенин в воспоминаниях современников в 2 тт.* М.: Художественная литература, **1986**. Т. 2. 471 с.
6. Ходасевич В. Ф. *Колеблемый треножник: Избранное.* М.: Сов. писатель, **1991**. 683 с.

Поступила в редакцию 18.11.2025.

DOI: 10.15643/libartrus-2025.4.1

On the anniversary of S. Yesenin. Singer of love: existential and anthropological meditations. Part II. My love is a sweet woman

© V. V. Ilyin

*Moscow State Technical University named after N. E. Bauman
5 2-nd Baumanskaya Street, 105005 Moscow, Russia.*

*State University of Education
24 Vera Voloshina Street, 141014 Mytishchi, Russia.*

Email: vvilin@yandex.ru

The pathos of the explosive first years of the revolution gave way to the daily transformative work of the socialist order. But not for Yesenin, who transferred the energy of civic creation to an existential search for himself; not in public reality, but in personal one. Within the boundaries of self-discovery through reflection-rethinking the eternal question of life: the question of bright, inspired, all-conquering love.

Keywords: man, poet, life, love, eternity.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilyin V. V. On the anniversary of S. Yesenin. Singer of love: existential and anthropological meditations. Part II. My love is a sweet woman // *Liberal Arts in Russia*. 2025. Vol. 14. No. 4. Pp. 211–223.

References

1. Blok A. *Sobranie sochinenii v 8 tt [Collected works in 8 volumes]*. Moscow: Goslitizdat, 1962. Vol. 6.
2. Blok A. *Sochineniya v 2 tt. [Works in 2 volumes]* Moscow: Goslitizdat, 1955. Vol. 2.
3. Esenin S. *Sobranie sochinenii v odnoi knige [Collected works in one volume]*. Khar'kov: Knizhnyi Klub "Klub Semeinogo Dosuga", 2012.
4. *Kak zhil Esenin: memuarnaya proza [How Esenin lived: Memoir prose]*. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 1992.
5. *S. A. Esenin v vospominaniyakh sovremennikov v 2 tt. [Esenin in the memories of his contemporaries in 2 volumes]* Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1986. Vol. 2.
6. Khodasevich V. F. *Koleblemyi trenochnik: Izbrannoe [The swayed tripod: Selected works]*. Moscow: Sov. pisatel', 1991.

Received 18.11.2025.